

Кэти
Джордж

АРОМАТ
АПЕЛЬСИНОВ

Кэти Джордж
Аромат апельсинов
Серия «Иностранка.
Преступление века!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73936322

Аромат апельсинов: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-33182-2

Аннотация

Лондон Чарльза Диккенса – город контрастов, где бога тые экипажи разъезжают по грязным мостовым, а худые бледные дети исчезают в трущобах Уайтчепела. Нэнси с детства знала только холод, голод и кулак Сайкса. Теперь она служит Фейгину, обманывает и крадет – потому что это единственный способ выжить. Но когда в ее жизнь входит маленький Оли вер Твист – чистый и бесхитростный, с наивными детскими глазами, Нэнси понимает: у нее осталось не так много шансов на искупление. Готовность заплатить самую высокую цену за чужую свободу – вот все, что она может предложить миру. Это не пересказ классического сюжета Диккенса. Это крик о помощи человека, который знает: даже в крошечной темноте есть свет.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кэти Джордж

Аромат апельсинов

Посвящается Шерин Пирс

Женщины способны выразить любую мысль в нескольких словах, если только они не злятся. Вот тогда они становятся многословны.

Чарльз Диккенс, «Оливер Твист»

«Нет-нет, – ответила девушка [Нэнси]. – Я это сделала не ради денег. Позвольте мне так думать».
Чарльз Диккенс, «Оливер Твист»

Kathy George
THE SCENT OF ORANGES

Copyright © Kathy George, 2024

First published in English in Sydney, Australia by Harlequin Enterprises (Australia) Pty. Limited in 2024.

This Russian language edition is published by arrangement with Harlequin Enterprises (Australia) Pty. Limited.

The author has asserted her right to be identified as the author of this work.

All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency* за содействие в приобретении прав.

© П. А. Смирнов, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Глава 1

Когда я впервые увидела Оливера Твиста, он напомнил мне одного из херувимов из убранства собора Святого Павла. Лицо – ангельское, с льяного цвета кудрями, обрамляющими румяные щеки. Губы напоминают бутон розы или, скорее, бледный пион вроде тех, что продают цветочницы. Кожа грязная, но чистые участки бледные и гладкие, будто луковая шелуха.

Кто он? Что он делает вместе с Плутом поздно ночью в переулке и что задумал Плут?

Рядом с моим другом мальчик смотрится необычно, потому что Плут – курносый и некрасивый, довольно чумазый и не особо высокий ростом. Но, к его чести, по всем повадкам он – настоящий мужчина. Он носит темное пальто с широкими рукавами, подвернутыми почти до локтя, и любит расхаживать, небрежно сунув руки в карманы. Полы пальто достают ему почти до пяток, и Плут, время от времени резко дернув бедрами, беззаботно взмахивает рукой, словно манерный джентльмен. Он честолюбив. И он меня смешит. В самом деле смешит, и за это я его люблю. Мальчик же...

Мальчик пробуждает во мне другие чувства. Я стою в тени, прижавшись к грязной стене, и мимо медленно движется поток людей, бесстыдно рассматривающих меня. А мальчик... Он словно сошел со страниц книги. Нет, читать я

умею едва-едва. Я имею в виду гравюры в дорогих книгах. Он невинен и чист. Он... он... Ха! Он – видение. Вот что он такое! Где Плут его нашел?

Я на людях. Сейчас – на Саффрон-Хилл. Фейгин послал меня встретиться с новым клиентом. Обычно меня сопровождает Билл, чтобы взглянуть на клиента и увериться, что тот хотя бы отчасти пристоеен и заплатит как положено, но, когда Фейгин отдает распоряжение, Билла – вам лучше звать его «мистер Сайкс» – нигде нет. Не знаю, где Билл. Я вообще половину времени не знаю, где он, а другую половину он проводит в «Калеках». Я там была, и Барни, человек за стойкой, говорящий так, будто нос ему снесли начисто и забили клеем с опилками, сказал: «Тут дет дикого. Ди души», из чего я заключила, что в заведении пусто.

– Я виделся с клиентом и рад, что он – человек приличный, – сказал мне Фейгин. – Не сможешь найти Билла, придется пойти одной. Да ты и раньше уже ходила одна.

Да, я и раньше ходила одна. Подумать только, все эти годы я была сама по себе. Не считая Фейги, разумеется. Но теперь я привыкла, что со мной Билл, так ведь? Я привыкла чувствовать себя во время работы в безопасности, под его защитой, зная, что кто-то меня всегда прикроет. Временами мне хочется побыть в одиночестве, когда меня утомляет вечная манера Билла командовать и запугивать, но по большей части его присутствие мне нравится. Но не его обращение. Этого я не говорила.

Я отрываюсь от стены – пора идти – и в последний раз бросаю взгляд на двоих мальчишек, скрывающихся в полумраке. Плут что-то пространно объясняет – его голос доносится сквозь туман, а лицо мальчишки обращено к новому приятелю. У меня такое чувство, что мы еще встретимся. У меня случаются подобные предчувствия. Не знаю почему. Фейгин называет их «инстинктами». Фейгин получил кое-какое образование и постоянно учит меня новым словам. Нужно понимать, что у меня, похоже, неплохой слух. Достаточно сказать слово один раз, и я его уже не забуду.

В общем, я чувствую, что еще увижу это дитя. Не знаю, разыгралось ли это воображение, но инстинкт мне подсказывает, что мы с ним связаны. Думаю, я могла бы часами сидеть и смотреть на этого ребенка. Я свернута плотно, словно катушка хлопковой нити в рабочем доме. Всегда была такой. Ему нужно будет лишь потянуть за ниточку, и я начну распускаться.

Улица узкая и грязная, со множеством заброшенных ветхих лавок, но, как ни странно, на ней кипит жизнь, и множество детей снуют туда-сюда и кричат не то потехи ради, не то ссорясь друг с другом – не разобрать. Собирается дождь. Я накидываю на голову шаль, поддергиваю повыше юбки и перепрыгиваю через сточную канаву, несущую потоки нечистот. Ароматы Лондона... Фу! Представьте себе самый отвратительный запах. Теперь представьте, каково это, когда он бьет вам в нос каждый день, весь день, а потом и всю ночь.

Представьте себе, что весь остальной мир закрыт от вас плотным слоем дыма и тумана, висящим над головой. Голубое небо и пушистые белые облака – просто абстракция, о которой остается только мечтать.

Из тускло освещенной двери прямо передо мной вываливается огромный, похожий на медведя мужчина и пытается сграбастать меня своими лапищами: «Куда спешишь, милашка?» Но я ловко увертываюсь от него (да, для этого нужен кое-какой опыт) и ускоряю шаг. Я прохожу двором, чувствуя под подошвами неровный твердый булыжник, уклоняюсь от двух бегущих оборванцев, таких грязных, что с таким же успехом они могли бы оказаться парой дьяволят, выскочивших из тумана, и сворачиваю в очередной узкий проход. Это тупик, и здесь тихо и темно. Клиент – в самом конце, в пятнадцатом доме. Конечно же, место глухое. Но я все равно не боюсь. Я ничего не боюсь на открытом месте, потому что я шустрая. Пугаюсь я только тогда, когда окружена со всех сторон. Я считаю дома и, приближаясь к нужному, вижу мерцающий в окне хиленький огонек свечи. Значит, он меня ждет. К двери ведут ступеньки, да еще и каменные – это уже что-то. Не, едва поставив ногу на первую ступень, я слышу на клумбе какой-то шорох.

Сначала я ничего не вижу. Но чувства подсказывают мне, что там что-то есть. Я приподнимаю юбки и опускаюсь на корточки, чуть склонив голову, чтобы разглядеть получше.

Лисенок, должно быть, линяет, потому что он наполовину

рыжий и наполовину черный как сажа. Только из-за мордочки я не принимаю его за котенка. Он рычит, блестя в сумраке клыками, я сдергиваю шаль, обматываю ею руки и поднимаю щуплое костлявое тельце. Шерстка у него мокрая и холодная, и лисенок отчаянно бьется у моей груди. Я глажу его, чешу между ушами, и он начинает успокаиваться. Должно быть, родители бросили его или погибли.

– Какой малыш, – тихо шепчу я.

Я кутаю лисенка в шаль так, что наружу торчит только нос, и кладу на землю рядом с клумбой. Кажется, на ней растет рододендрон. Модное растение уж точно составит малышу компанию.

– Жди здесь, – шепчу я. – Я вернусь, как только смогу.

Я поднимаюсь по ступенькам и быстро и тихо стучу в дверь. Лязгает засов, дверь приоткрывается, и над цепочкой появляется полоска человеческого лица. Нужно сказать, не лишнего привлекательности. Не молодого, но и не старого. Лицо обрамлено кудрями цвета корицы. У мужчины глубоко посаженные карие глаза, россыпь веснушек на щеках и темно-рыжие усы. Я наблюдательна, да, но при моей работе это полезное умение.

– Нэнси, – бормочу я.

Дверь закрывается снова, звенит цепочка, а потом мужчина впускает меня.

В доме он осматривает меня с ног до головы в тусклом свете.

– Да, – бормочет он. – Да, так и есть.

Я понятия не имею, что он имеет в виду.

– Совсем еще дитя, верно? Хоть ты и красавица.

У мужчины выговор аристократа, но одет он неброско. Он выше среднего роста, а усы у него, как я уже говорила, необычного цвета. Большие карие глаза не похожи на два омута, в которых можно утонуть, но все равно завораживают. Мне кажется, он из мелких дворян, переживающих не лучшие времена. Впрочем, в этом нет никакой разницы ни для меня, ни для того, чем мы собираемся заняться. Более того, именно с такими дворянчиками чаще всего и возникают проблемы.

– Мне восемнадцать, – уверенно отвечаю я, не отводя взгляда от серых подушек и потертого покрывала на неуклюжем тюке, служащем ложем. Ну, хоть какая-то кровать здесь имеется!

Еще в комнате есть шаткий деревянный стол и одинокий стул, а с моего места виден горшок под кроватью.

Мужчина ничего не говорит. Похоже, он обладает талантом выражать многое, не произнося ни слова. Он поднимает руку, чтобы пригладить усы, и я замечаю золотое кольцо, но не на безымянном пальце. Значит, не настолько поиздержался, чтобы продать кольцо. Что же он делает в этой лачуге? Судя по всему, с моим приходом его охватили сомнения. Может быть, он передумал?

Подозреваю, что, если я открою дверь и выйду в темноту,

он не станет меня задерживать. Но я этого не сделаю. Если я уйду, то только с деньгами, которые мне нужны, которые Фейгин от меня потребует и за которые Билл накажет меня, если я их не заработаю. Кажется, я знаю такой тип мужчин. Он из тех, кто поначалу не заинтересован и притворяется безразличным, из тех, чья кровь закипает медленно, из тех, кто все время мешкает. Но если уж он разошелся, то держись! А это значит, что я могу заработать сверх оговоренного. Это может значить, что одного раза будет недостаточно. Да и двух, вероятно, тоже.

Я чуть высовываю язык и провожу им по нижней губе.

– Ну? Может, перейдем к делу? – требовательно спрашиваю я.

Глава 2

Когда я выхожу на улицу в бледном сером свете утра, сверток еще лежит под рододендроном. Я отсутствовала намного дольше, чем собиралась, и не слишком надеюсь увидеть застать малыша живым. Ночь была холодная. Можете мне поверить – я куталась в одеяло, прижавшись спиной к груди клиента, обнимавшего меня.

Я подношу сверток к лицу, прижимаю к щеке холодную и влажную шаль. Тельце в ней кажется легким и безжизненным.

– Лисенок? – шепчу я в отверстие. – Лисенок...

– Иди в дом, – говорит мужчина за моей спиной.

Я даже не слышала, как открылась дверь. Он хватает меня за воротник и втаскивает обратно. Я едва не выпускаю из рук лисенка.

– Кто тебе разрешил уйти?

Он разворачивает меня лицом к себе. Шерстяные штаны натянуты в спешке, чтобы прикрыть наготу, и одна из лямок помочей на плече перекручена.

– Что? – удивляюсь я. – Хотите сказать, вы еще не закончили?

В общем, я в недоумении, потому что мы не делали ничего – просто отправились в сонное царство. Видит Бог, я пыталась что-нибудь начать, но он меня остановил. Он сказал:

«Нет, я не этого хочу», убрал мои руки, лег на бок и прижался телом ко мне. Казалось, он только хотел обнимать меня и чтобы я обнимала его. Может быть, настоящая работа только сейчас и начнется?

– Я хочу, чтобы ты сделала мне чашку чая, – говорит мужчина, закрывая дверь за моей спиной.

Я фыркаю.

– Чашку чая?

Уж не ослышалась ли я? Он кивает.

– Да. Ты сможешь? Положи это, – он указывает на сверток. – И сделай мне чашку чая.

Я осторожно кладу свернутую шаль на стол, но животное не шевелится, и я думаю, что оно, наверное, погибло.

– Чайник – там, – он указывает на камин. – Чайные листья – там.

Комната обставлена очень скудно, но он кивает в сторону полки у дверей, на которой оказались банка для чая, нож, деревянная ложка, пара свечей в подсвечниках и одинокая чашка. Милая, фарфоровая, с цветочным узором. Мне-то что? Заварю ему чаю. Тем более что за свою плату мне пришлось только спать.

Мужчина садится за стол, пока я деловито ворошу угли и ставлю чайник на огонь. Оглянувшись, я вижу, что он сидит, вытянув ноги, и вычищает грязь из-под ногтей длинных тонких пальцев. На столе перед ним лежит газета, и, отрываясь время от времени от чистки ногтей, он наклоняется впе-

ред, чтобы что-то прочесть при свете одинокой свечи. Время от времени он чешет рыжеватую щетину на подбородке или оглаживает усы. И задумчиво поглядывает на меня.

Что у него на уме? Что означала прошедшая ночь? Потому что, по правде сказать, он обращался со мной как с младшей сестрой. Был добр и нежен. Обнимал и прижимал к себе. Ни разу не возбудился. Во всяком случае, я не заметила. Может быть, у него другие предпочтения? Вот в чем причина? Или дело во мне? Но если дело во мне, то зачем вообще пользоваться моими услугами?

– За это придется доплатить, сэр, – бормочу я, следя за ним краем глаза.

– Нет, не придется, – отвечает он.

Он и в самом деле хорош собой. Теперь я разглядела его при лучшем освещении. Выше ростом, чем большинство других, симметрично посаженные глаза, прямой нос и ровные зубы. Если говорить об особых приметах, то это коричневого цвета кудри, карие глаза и темно-рыжие усы. Если и есть в нем что-то неприятное, то это постоянная нервозность.

Он переворачивает страницу, не глядя на меня.

– Ты собираешься взять с меня деньги за привилегию выпить чашку чая с джентльменом? Я ведь собираюсь разделить ее с тобой.

– Такое со мной впервые.

Все равно эта мысль мне приятна. Мурлыкая песенку, я снимаю с полки изящную чашку и отмеряю чайные листья,

глядя на огонь под решеткой, и мне кажется, что со стороны все это выглядит как уютная домашняя сцена. Хотя в комнате не помешало бы добавить мебели. И неплохо было бы купить новое постельное белье. Хотя, если уж я изображаю жену (или сестру, мне неважно), то мне не помешало бы новое платье вместо этого заношенного.

Если бы все сложилось иначе, у меня могла бы быть похожая жизнь. Если бы все сложилось иначе, я могла бы жить размеренной, спокойной жизнью, будучи замужем за приличным человеком. Иметь семью. Вместо этого у меня есть Билл – ненадежный, бесчувственный, сомнительный...

Я наливаю в чашку кипяток, и в этот момент мужчина вскрикивает. Обернувшись, я вижу, что он вскочил и отчаянно машет руками на стол, на сверток с лисенком... Которому вдруг пришло в голову восстать из мертвых и попытаться выбраться.

Я ставлю чайник на пол, и из шали показывается голова зверька.

– Где ты его взяла? – смеется мужчина. – Он всю ночь был рядом с нами?

Я качаю головой.

– Я нашла его у вашей двери минут десять назад.

Я не признаюсь, что нашла его накануне. Зачем?

– Лиса у моего дома?

– В клумбе, – киваю я.

Мужчина подходит к двери, открывает ее, выскальзывает

босой наружу и через минуту заглядывает обратно.

– Дай мне шаль, – говорит он. – Пожалуйста.

Не забывает о вежливости. Кто бы мог подумать?

Спустя минуту или две мужчина возвращается, закрывает дверь ногой, и трепещущее пламя свечи гаснет. Он дрожит, ноги посинели от холода, но в руках шевелится целая охапка шерсти. Черной и темно-рыжей, как его волосы.

– О боже! – вскрикиваю я. – Что вы собираетесь с ними делать?

– Неважно, – отвечает он, выкладывая лисят на каменный пол перед камином. – Как там чай?

– Готов, – отвечаю я. – Пожалуйста.

Я ставлю красивую чашку на стол и аккуратно кладу рядом чайную ложку.

– Молока нет, – говорю я. – Или я его не нашла.

Он поднимает голову.

– Если я дам тебе денег, ты сходишь за молоком?

– Я бы могла, – говорю я. – Да.

Хотя, видит Бог, мне бы уже пора домой. Обычно я не задерживаюсь на всю ночь. И не знаю, что на это скажет Билл.

– Хорошо, – он роется в кармане и выуживает монету. – Пожалуйста, как можно быстрее.

Он с сомнением протягивает мне шиллинг.

– Как ты, говоришь, тебя зовут?

– Нэнси.

– Нэнси, я ведь могу тебе доверять? Ты вернешься с мо-

локом и сдачей?

– Да, вернусь.

– Хорошая девушка, – говорит он. – А теперь поторопись – эти чертенята хотят есть.

– Можете вернуть мне шаль? Пожалуйста... – неуверенно прошу я.

Мужчина стоит на коленях перед камином, рядом с громкими криками ползают двое или трое лисят, еще один все еще укутан в мою шаль, но пытается выбраться.

– Твою шаль? – он поднимает голову и смотрит на меня.

– На улице холодно.

– Знаешь что... – мужчина встает и сует свободную руку в другой карман, на этот раз протягивая мне крону. – Купи себе новую шаль. Хорошо?

– Лавка еще закрыта, сэр, – говорю я, не принимая деньги. – И... И я бы хотела получить обратно старую.

Я не говорю ему, что не могу вернуться домой с новой шалью. Ведь Билл заподозрит неладное и не успокоится, пока не выбьет из меня правду. А потом будет сходить с ума от ревности. Я могла бы сказать, что стащила ее, но тогда придется выдумывать, почему я выбросила старую.

Мужчина отвлекся на лисят. Он отбрасывает кудри назад одной рукой и кажется взволнованным. Значит, не привык иметь дело с маленькими.

– Как хочешь, – отмахивается он от меня. – Только иди быстрее!

Я бросаю последний взгляд на шаль и спешу за дверь, обхватив себя руками, чтобы согреться. Я уже спускаюсь по ступенькам, когда дверь за моей спиной открывается снова.

– Нельзя тебе на улицу в таком виде. Простудишься и умрешь. Держи, – он бросает мне свое пальто.

Пальто лошадино-бурого цвета видывало лучшие времена – потертое, обшлага истрепались. Но оно шерстяное, с шелковой подкладкой и большими карманами, в которые я могу спрятать руки. Я думаю, что могла бы сбежать, забыв про шаль, и улизнуть с пальто и деньгами за прошедшую ночь. Но я не такая. Я не говорю, что никогда не ворую, но это совсем другое дело. Я дала слово. И лисята голодны.

До кофейни совсем близко. Туда уже выстроилась очередь желающих подкрепиться, и я встаю в нее, подпрыгивая на месте, чтобы согреться, пока не подает голос женщина, стоящая позади.

– Да что это с тобой? Сифилис, что ли?

Как грубо. Но это мне. Они знают, кто я такая.

Я качаю головой и стараюсь стоять спокойно, а она протягивает руку, наверное, сожалея о том, что высказалась так откровенно, и осторожно гладит пальто, словно это дикий зверь.

– Красивое, да? – спрашиваю я. – Не мое, конечно.

– Конечно, – говорит она и слабо улыбается мне.

Не знаю, к чему эта улыбка. Женщинам вроде нее предстоит провести целый день за тяжким трудом на полутемной

фабрике, напрягая зрение, постоянно быть на ногах, пока те не опухнут, вдыхать ядовитые испарения и за все это заработать деньги, которых едва достаточно, чтобы получить крышу над головой и пару корочек хлеба. Мое положение может быть, как выражается Фейгин, «весьма неустойчивым», но, по крайней мере, мне не приходится делать то, что делает она.

В ожидании я думаю о том, каково это – быть владельцем подобного пальто, и, отвернувшись от женщины, провожу ладонью по ткани, только более решительным жестом. На ощупь пальто кажется приятным. И от него исходит его запах. Запах человека с кудрями коричневого цвета.

Молоко продают в металлических банках с крышкой, и я жертвую одной рукой, держа холодную посудину перед собой, пока спешу обратно.

Когда я распахиваю дверь, у меня зуб на зуб не попадает. Мужчина где-то отыскал иззубренное фарфоровое блюдце и поставил его на камень перед камином. Лисята суетятся вокруг него, некоторые даже наступают в него лапами. Один сидит у ног мужчины и смотрит на него, склонив голову набок. Еще двое рычат и щелкают зубами друг на друга. И все беспрерывно пищат. Я никогда не была на выступлениях оркестра, но звук напоминает звон треугольника. Я видела такие на Рождество.

Мужчина берет у меня банку с молоком и, оттолкнув в сторону одного из лисят, наливает немного в блюдце.

Воцаряется тишина. Приятная тишина. Только тихий плеск лисьих язычков. Мужчина смотрит на меня через стол и улыбается. Я улыбаюсь в ответ. У него добрая улыбка, играющая и на губах, и в глазах. Это мелочь, но на удивление приятная. Мои знакомые улыбаются только губами, и чаще всего это не улыбка, а гримаса.

– Что будете с ними делать? – спрашиваю я, указывая на лисят.

– Не показывай пальцем, – говорит он, кладя ладонь на мою руку и опуская ее. – Это невежливо. У меня есть один знакомый, который возьмет их себе и выкормит. Вопрос только в том, как доставить малышей к нему. Он не может прийти сюда.

– Понятно, – отвечаю я.

Хотя на самом деле ничего не понимаю. Вы еще узнаете, что я всегда говорю «понятно», когда вообще ничего не понимаю.

Тут мужчина вспоминает о чае, подливает в чашку немного молока и пододвигает ее ко мне.

– Он уже остыл, – говорит он. – Но все равно выпей.

Чай едва теплый. Я делаю несколько глотков и возвращаю чашку.

– Мне нужно идти, – говорю я, снимая его пальто и вешая его на стул.

Он кивает. Лицо его наполовину скрыто чашкой. Над кромкой фарфора его глаза внимательно смотрят на меня,

пока я беру шаль и накидываю ее на плечи.

– Ваша сдача, – говорю я, доставая ее из кармана пальто и выкладывая на стол.

Мужчина продолжает смотреть на меня.

– Нэнси?

На его усах висят капельки чая с молоком.

– Да?

– Я бы хотел снова с тобой увидеться. Возможно, у меня найдется работа для тебя.

– Какая работа? Вроде этой? – я киваю на лисят.

Он смеется. Он вообще кажется смешливым человеком.

– Нет, – отвечает он. – Другая...

– Я не работаю на посторонних, – отвечаю я.

– Ты и не будешь. Ты будешь работать на меня...

– Странными делами я тоже не занимаюсь.

– И не надо. Тебе не придется... – он поводит чашкой в воздухе.

– «Не придется» что, сэр?

– Ты понимаешь, о чем я.

– Понимаю. А чем мне придется заниматься?

– Вести себя как леди...

– Я не умею вести себя как леди!

– Сумеешь. Если не будешь открывать рот, то все получится.

– И как вы мне это запретите?

– Я что-нибудь придумаю, – мужчина ставит чашку на

стол. – Вкусный чай, – бормочет он.

– Спасибо, сэра, – отвечаю я.

Потом я выхожу за дверь и закрываю ее за собой.

Но, передумав, открываю снова и заглядываю в комнату.

– А как мне вас называть?

Мужчина смотрит в пол, видимо, задумавшись, потом поднимает взгляд на меня.

– Руфус, – говорит он.

– Вас ведь не так зовут, верно? – говорю я. – Это имя из-за лисят¹.

Он смотрит на меня с притворным ужасом.

– О! А ты умна. Придется быть осторожнее.

Мужчина улыбается, и улыбка снова отражается в его глазах.

– Может быть, меня и в самом деле так зовут, а может быть, и нет, – добавляет он.

Играет со мной, это точно.

– До свидания, Нэнси, – говорит он.

¹ Rufus (лат.) – рыжий.

Глава 3

Когда я добираюсь до дома, мистера Сайкса нет. Маленькая, но радость. Ведь я задержалась сверх любых разумных сроков.

Я ворошу угли в камине, подкидываю еще немного топлива и ставлю чайник. Подперев дверь стулом, поддергиваю вверх юбки, широко расставляю ноги и вытаскиваю каучуковый пессарий, который вставила перед уходом. У меня не было месячных, еще вовсе не было. Бетси говорит, это из-за моей худобы. Но я не хочу рисковать. Мне повезло раздобыть пессарий. По правде говоря, у Фейгина множество связей. Билл говорит, он изворотлив, потому что еврей. Мне все равно, будь он хоть китаец. Но я отвлекаюсь. Бетси пользуется тазиком с водой и отсосом, но все это нужно иметь под рукой сразу после, а я не могу позволить себе такую роскошь, потому что не работаю на одном месте. Я беру тряпицу, наливаю немного теплой воды, снимаю платье и, дрожа и проклиная холод, сначала ополаскиваю лицо. Потом вытираюсь вся, особенно под мышками и в промежности. Промыв пессарий, я убираю его в кармашек нижней рубашки. В рубашке у меня два кармана. Один, чуть побольше, – для денег, другой – для личных вещей. Потом я снова натягиваю на себя все тряпье, причесываюсь, хватаю шаль и отправляюсь искать Билла.

Он будет недоволен, что я задержалась, и лучше решить все сразу, чем тянуть.

Позвольте рассказать вам о «Трех калеках», расположенных в самой грязной части Малого Сафрон-Хилла. Заведение стоит на болотистом грязном перекрестке в окружении полуразвалившихся жилых домов, опасно покосившихся набок. Окна с частым переплетом помутнели от сажи, плитки на полу почернели от угольной пыли и крови. Передний зал – темный и мрачный притон, освещаемый факелом газовой горелки всю зиму и не видящий солнечного света летом. А вот и Билл сидит на деревянной скамье у огня, мрачно склонившись над оловянной кружкой и стаканом, наполненным чем-то. Наверное, бренди. Дверь открыта нараспашку, я стою и смотрю на него с улицы. Я вижу его новым взглядом после встречи с мужчиной с лисами. Мистером Руфусом.

Билл – не красавец, но и уродом его не назовешь. Перебитый нос, шрам на смуглой щеке и глаза цвета древесного дыма с искорками. Каштановые волосы, грубые, словно веревки, распущены по плечам. На нем вельветовое пальто, желтовато-серые короткие штаны, чулки и штиблеты. Бычок лежит у его ног и зализывает свежий порез, оставленный, несомненно, хозяином, который выглядит почти столь же скверно, как и его пес – неуклюжий белый зверь с кудлатой шерстью.

– Поттише ты, скотина! Поттише! – взрывается Билл.

Судя по всему, звуки вылизывающегося Бычка действуют

ему на нервы, потому что он с руганью пинает пса. Тот взвизгивает и вскакивает, после чего вцепляется зубами в штиблет Билла и начинает от всей души его трясти.

Билл зыркает на него сверху вниз.

– Ты чего это удумал?!

И, схватив одной рукой кочергу из очага, другой Билл достаёт из кармана и раскрывает большой пружинный складной нож. Дальше начинается бардак...

Пес отскакивает.

– Иди сюда, черт! – ревет Билл на Бычка. – Иди сюда! Слышишь?

Бычок с рыком бросается на кочергу. Билл падает на колени. Он отмахивается от пса ножом. Бычок трясёт кочергу, словно дикий зверь. Он щелкает зубами, рычит и лает. Билл тоже щелкает зубами, рычит и бранится. Борьба достигла критического момента, и я не решаюсь войти, но тут Бычок выпускает кочергу, поджимает хвост и пулей вылетает за дверь, прижав уши, прямо мимо меня.

– Нэнси! – ревет Билл, увидев меня.

Он встает на ноги, все еще сжимая в руках нож и кочергу. В его глазах удивление, может быть, даже потрясение.

Он уже говорил мне, что постоянно думает, будто я его собираюсь бросить. И что он убьёт меня, если я это сделаю. И сейчас как раз такой случай. Один из тех случаев, когда он решил, что я его бросила, и теперь, когда у него в руках кочерга и нож, он вполне может это сделать – просто убить

меня.

– Убери их, Билл, – говорю я. – Я тебя не бросила. Я не войду, пока ты этого не сделаешь. Серьезно говорю, – добавляю я, увидев, что он стоит неподвижно и угрожающе смотрит на меня.

Билл моргает. Его глаза были бы хороши на другом лице – лице без шрама и переломанного носа.

– Хорошо, – ворчит он.

Бросив кочергу обратно в очаг, он складывает нож и садится на скамью, а я пристраиваю свой зад рядом.

– Ты где была? – спрашивает он.

– Работала. Разве не знаешь?

– Знаю, – и добавляет, постучав по столу. – Давай.

– Как тепло ты приветствуешь человека, который работал и не бросил тебя, – отвечаю я.

– Давай сюда, женщина, – ворчит он.

Под столом его рука скользит по моему бедру, и пальцы чуть сжимаются, достигнув колена. Большого проявления благодарности или привязанности от него ждать не приходится.

Я окидываю взглядом «Калек», чтобы убедиться, что на нас никто не смотрит, но еще нет и десяти, поэтому, кроме нас с Биллом, никого нет. Я сую руку в потайной карман рубашки, достаю монеты и, осторожно оглянувшись, выкладываю их на стол. Очень уж мне не хочется, чтобы все подряд знали, что у меня при себе деньги.

– Неплохо, Нэнси, – бормочет Билл, разглядывая монеты. – Очень неплохо. Больше обычного. Делала что-то особое?

– Пожалуй, можно и так сказать, – шепчу я.

– Что ты делала, Нэнси? – косится на меня Билл.

– Здесь неподходящее место, – шепотом отвечаю я.

– Нэнси, дорогая, – раздается воркующий голос за нашими спинами.

– Фейгин! – вскрикивает Билл, выпрямляясь. – Вечно крадешься так, что никто не слышит, как ты приходишь и уходишь. Жаль, что ты не собака, Фейгин, и не был здесь полминуты назад.

– Почему это? – спрашивает Фейгин, натянуто улыбаясь, но не сводя глаз с соверенов.

– Потому что правительство, которое печется о жизни людей вроде тебя, и вполнину не таких храбрых, как любая дворовая шавка, при этом позволяет убивать собак по своему усмотрению, – отвечает Билл, скидывая довольно густые брови. – Вот почему.

Фейгин потирает тощие руки, шмыгает длинным носом и устраивает свои кости напротив нас, притворно посмеиваясь над словами Билла. Он встревожен. Ему не нравится, когда Билл издевается над ним. А кому нравится?

– Ты зубы не скаль, – говорит Билл, презрительно глядя на него. – Не скаль. Будешь надо мной смеяться, я тебе рот заткну ночным колпаком. Ты у меня в руках, Фейгин, и будь

я проклят, если это изменится. Вот так. Если со мной что-то случится, то и тебе несдобровать. Так что береги меня.

– Ладно, ладно, дорогой мой, – бормочет Фейгин. – Я все это знаю. Мы... у нас есть обоюдный интерес, Билл. Обоюдный интерес...

Билл раздраженно хмыкает.

– Ну? Что ты мне хочешь сказать?

Фейгин встает, протягивает руку и, сложив другую ладонь чашечкой под краем стола, сыпает в нее мои монеты. Мне всегда тяжело видеть, как мои заработки исчезают.

– Спасибо, Нэнси, дорогая моя, – говорит он. – Он приятен, согласишься?

– Что ты заставил ее делать, Фейги? Это больше обычного.

– Так и есть, сам не видишь? Хорошая работа, дорогая моя, – говорит он, складывая деньги в карман. – А теперь давайте выпьем, – продолжает он, пытаясь сменить тему. – Где Барни?

– Ты не ответил на мой вопрос. Что ты заставил ее делать? Фейгин качает головой.

– Я не знаю. Тебе лучше самому у нее спросить. Барни! – кричит он вставая. – Где его черти носят, когда он нужен?!

Я с трудом сдерживаю зевок, прикрывшись ладонью.

– Прошу простить меня, джентльмены, – говорю я, поднимаясь на ноги. – Мне нужно немного поспать.

Билл хватает меня за юбку.

– Я скоро буду дома, – бормочет он. – Тогда я до всего

докопаюсь. Поняла, Нэнс?

Я киваю и ухожу. Я его почти не слушаю.

Мои мысли унеслись далеко. Я вижу рыжеволосого мужчину, стоящего на коленях перед горящим камином с лисенком на руках, треплющего его за уши и глядящего по головке. Он нежный. И добрый. И я вспоминаю, как он прижимал меня к себе всю ночь. Это было странно. Но в то же время приятно.

Мистер Руфус.

Джентльмен вроде него и девушка вроде меня? Ерунда какая-то.

Что за игру он затеял? Что он задумал? К чему это все приведет?

* * *

Я не сразу иду домой.

Срезаю путь и иду по Хозиер-лейн, потом через Ньюгейт и дальше в Уотлинг. Я маленькая как кошечка и такая же ловкая и могу пробираться через толпу, не обращая на нее внимания.

Вы уже догадались, куда я иду? Скорее всего, нет. Наверное, вас это удивит. Я очень надеюсь. Если я что-то и узнала в жизни, так это то, что хороший сюрприз приводит в восторг.

Большие двери готического здания закрыты, когда я подхожу, но, оглядевшись, не следит ли кто, приоткрываю

створку и проскальзываю внутрь. Вы удивлены, что я вообще знаю, что такое «готический», верно? Дело в том, что ты многое узнаешь, если проводишь время в церкви.

Я задираю голову. Ничего не могу с этим поделать. Сводчатые потолки цвета пергамента, парящие высоко над головой, замысловаты и имеют форму вееров. Это они привлекают мой взгляд. Ни единого движения, кроме падающих в окна лучей света. Воздух неподвижен и холоден, словно это он удерживает все на месте. Чувствуется легкий запах ковров, влажного камня, железа, дерева, ткани и благовоний. Свечного воска.

Картины, которых здесь много, огромны и изысканны. Витражное окно изображает Великий лондонский пожар – языки пламени, лижущие обугленные здания. Рядом – еще одно с изображением Иисуса, висящего на кресте. Его плоть истерзана гвоздями, и это наполняет меня ужасом. И еще одно – с изображением Марии, поднимающей младенца-Христа к свету. Его руки раскинуты широко, словно я его любимая тетушка и он хочет меня обнять. Изображение полно умиротворенности, но мне все равно едва хватает сил смотреть на него.

Скамьи из темного дерева выглядят скромно. Я присаживаюсь в темном и тихом углу и думаю о том, сколько жилищ Билла уместилось бы в этом огромном пространстве. Но опасность уснуть никак меня не оставляет. (Я действительно не высыпаюсь, потому что провожу полночи на ногах

в тревоге.)

Хоть религия и не для меня, это не значит, что я не верую, и, уходя, я останавливаюсь и делаю реверанс. Это знак уважения. Это признание, что я понимаю – Он знает, что я здесь была. Что, может быть, однажды, когда я предстану перед райскими вратами, святой Петр достанет свою учетную книгу, проведет пальцем по колонке имен и спросит: «А... Нэнси. Так, посмотрим... Хорошо ли ты себя вела?»

Я открываю тяжелую двери и выхожу на улицу. Прошло всего пятнадцать минут. Пятнадцать минут моего дня. Пятнадцать минут, потраченных на то, чтобы убедиться, что я поступила правильно. Пятнадцать минут, когда у меня есть возможность поразмышлять о более важных вещах. Пятнадцать минут, когда моя душа наполнена покоем.

Глава 4

Не могу смотреть на Мадонну с младенцем с тех пор, как... Но, наверное, нужно начать с начала.

Я почти и не помню свое раннее детство. А кто помнит? Но несколько моментов я не забуду никогда. Один из них – то, как Фейгин нашел меня.

Я тогда существовала за счет того, что удавалось украсть, выпросить или одолжить. Но в основном украсть. Не знаю, как я оказалась на улице. Родителей, братьев и сестер я почти не помню. Уверена, что у меня есть братья и сестры, но это лишь потому, что у меня остались воспоминания, что рядом был еще кто-то кроме меня. Но кто сказал, что можно доверять воспоминаниям и верить в их точность? Память – хитрая бестия и умеет обманывать. Может быть, моя мать была леди, падшей в силу тех или иных обстоятельств? Вполне возможно. Это ведь объясняет мою внешность и то, что я довольно смышленная, верно? Так или иначе, я помню, как лет в пять была беспризорницей. Ошивалась возле хлебной лавки и ждала. Но не как нищенка, ждущая корочку хлеба. Я ждала нужного покупателя. Мне нужен был человек, который не подозревает, что затевается что-то дурное. Наивный, не знающий местных жителей. Если угодно, совершеннейший незнакомец.

И вот, как обычно, я торчала там и смотрела в оба, пото-

му что знала: если этого не делать, меня наверняка прогонит метлой хозяин лавки. И вот появляется пожилой джентльмен. Одет он был, как выражается Фейги, щеголевато – с тростью, в цилиндре и модном галстуке. Я с первого взгляда поняла, что для такого расстаться с монетой невелика печаль. Я не сразу приступила к делу. Сначала пряталась в толпе позади него, пока он не ослабит бдительность, потому что люди вроде этого джентльмена всегда ожидают появления карманников. Шла сзади и шугала уличных мальчишек, напоминая им неписаное правило: я его первая нашла – значит, он мой. И мало-помалу мой щеголь ослабил хватку на корзине, которую до этого прижимал к груди, и опустил ее, неся в одной руке. Я потихоньку приблизилась к нему вплотную и, выждав, когда мимо него проходила компания мужчин, протиснулась между ними и джентльменом, толкнула его, схватила из корзины первое, что попало под руку, и рванула со всех ног так, будто за мной черти гонятся. Я всегда умела быстро бегать, а еще я маленькая и легкая и могу порхать как комар и прыгать как блоха.

Но в тот раз какой-то мужчина, шедший нам навстречу, выставил ногу, и я полетела кубарем. Мужчина остановился, впился мне в руку железной хваткой, заставил подняться и потащил в сторону. Я попыталась было отыскать хлеб, который обронила при падении, – он стал бы для меня первой пищей со вчерашнего утра, но его нигде не было.

– Он у меня, – прошипел мужчина мне на ухо.

Я подняла глаза и увидела перед собой старого козла с длинным носом, морщинистыми губами и тусклыми рыжими волосами.

– Ты получишь его, когда придет время. А пока идем со мной, дорогой мой, будь умницей, – сказал он. – Или тебе же будет хуже. Придется сказать мистеру Смиту, что ты его обокрал, – он кивнул в сторону пожилого джентльмена, идущего дальше как ни в чем не бывало.

Фейгин рассказал мне потом, что несколько недель наблюдал за мной, разглядел во мне талант и решил, что «мы могли бы помочь друг другу», как он выразился. Я была такая грязная, обросшая и оборванная, что старый козел решил, будто я мальчишка, и только когда мы оказались в его жилище и он начал вытирать мне лицо тряпкой, он понял, что я девочка. Я оставалась мальчишкой еще несколько лет – так было проще. Пока не стало слишком заметно, что я не мальчик, и пока определенная порода джентльменов не начала расспрашивать меня о других вещах, о которых я до этого не задумывалась. Кажется, платья я начала носить лет в двенадцать, и это открыло для меня совершенно новый способ заработка. Поначалу мне это дело не нравилось, но нищему выбирать не приходится.

Что еще я помню? Посмотрим...

Это трудно выразить словами. Больше напоминает видение, чем воспоминание. Попробую описать... Я иду по улице, держа за руку женщину. Думаю, это моя мать. На улице

толпы народу, кричат цветочницы и лоточники, стучат лошадиные копыта, гремят тележки и пролетки, шум и крик, звон и толкотня, воздух наполнен дымом из высоких труб, земля под ногами скользит. Женщина рядом со мной почти все время молчит, так что или она не моя мать, либо она так сосредоточена на том, что необходимо сделать, так переполнена скорбью, что не может говорить. Предпочитаю думать, что дело в последнем. Но может быть, я и обманываю себя. Может, я была обузой. Может, я ей больше не была нужна. Может, она вообще не любила меня?..

И вот я иду по улице, держа мать за руку.

И кто-то оказывается между нами, и я выпускаю ее ладонь.

В недоумении поднимаю голову – я ведь совсем маленькая. Но ее нет. Я нигде не могу ее найти. Пропала. Мимо меня спешат люди, шелестят юбки, мелькают брюки, стучат трости. Вокруг незнакомые лица, скользящие по мне равнодушным взглядом.

Я выпустила ее ладонь.

Или она сделала это намеренно?

Она бросила меня?

И вот оно: воспоминание начинает тускнеть. Длинный серый проход, нависающие надо мной стены. Серый деревянный стол с ветхими деревянными стульями, а за ним – открытый камин в черной, задымленной и грязной комнате. Я стою перед огнем, мешая что-то в котелке, и прижимаю к

бедру кого-то маленького. Я и сама ребенок, но держу у бедра другого ребенка, еще меньше меня, и утешаю его. Или ее.

У меня наверняка был брат, или сестра, или братья и сестры вместе.

От этого воспоминание о том, как мать оставила меня, становится еще более невыносимым.

Я была полезной. Наверняка я была доброй. Наверняка хорошо относилась к брату...

Тогда почему мама бросила меня?

И почему я не могу это забыть, оставить в прошлом?

Я должна сосредоточиться на том, что имеет значение: на Билле, на Плуте, а теперь еще на Оливере и мистере Руфусе.

Я должна помнить, что моя мать сделала свой выбор и мне приходится с этим жить. Я должна попытаться поступать так же. Но это легко сказать и тяжело сделать. Очень тяжело.

Глава 5

Билл ложится в кровать рядом со мной, и я просыпаюсь.

– Который час? – спрашиваю я.

– Самое время уделить мне внимание, – говорит он, переворачивая меня на спину.

Подперев голову рукой, он смотрит на меня сквозь густые каштановые лохмы, скрывающие его глаза.

– Так чем ты занималась с этим... этим... как там его?

– Мистер Райт, – говорю я.

Это имя просто пришло мне в голову. Нет смысла увиливать от вопросов Билла. Иначе окажусь с разбитой губой. Он обычно не расспрашивает меня про подробности, но этого нового клиента Билл не знает и, естественно, любопытствует. И неестественно ревнует. Он всегда был такой. Лучше уж покончить с вопросами сразу.

– Продолжай, – говорит он, откидывая мое одеяло и запуская руку в вырез ночнушки и лаская мою грудь, сосок на которой затвердел от неожиданного холода.

– Ой! – вскрикиваю я. – Верни одеяло.

– Нет, – говорит он. – Легкий холодок освежит твою память, Нэнс. Как все началось? Как обычно или по-особенному? Нэнс, – продолжает он, когда я не отвечаю. – Что ты такое делала, что он заплатил тебе больше обычного? Сама не расскажешь, так я заставлю.

– Хорошо, – говорю я. – Только держись.

Я умолкаю и притворяюсь, что вспоминаю, хотя на самом деле пытаюсь сочинить что-то на ходу. Откуда Биллу-то знать, как было дело?

– Началось все как обычно, – начинаю я. – Он на мне. Потом мы делали это по-разному. Он хотел, чтобы я была верхом, потом захотел сделать это с другой стороны. – Пожимаю плечами. – Денег больше, потому что было несколько раз.

– Точно? – Билл начинает тереться о мое бедро, его член отвердел, пока я рассказывала, и теперь торчит из штанов. – Покажи, как он делал это сзади, – говорит он, переворачивая меня сильной рукой и ставя на четвереньки.

– Билл... – молю я, но это все равно что разговаривать со стеной.

– Давай, девочка. Взбодрись, – он задирает ночнушку, шлепает меня по заду и наваливается на меня.

Опираясь на одну руку, другой я отыскиваю в кармашке пессарий, раздвигаю ноги и успеваю вставить его в последний момент.

Иногда Билла возбуждает нечто такое... Я бы назвала это ревностью. Ему нравится вести себя как клиент. Командовать мной. Это один из тех случаев. Приходится ублажать его всеми способами. Кровать трясется и скрипит так, что мне кажется, будто доски пола, и так уже прогнившие, проломаются и мы упадем на этаж ниже. Наконец Билл умотался. Он откатывается в сторону и погружается в глубокий сон, лежа

с открытым ртом. Его член свешивается в сторону, словно сморщенный грязный носок.

Конечно же, я не всегда занималась тем, чем занимаюсь. Начала, когда стала носить платья. Так я больше зарабатывала – уж точно больше, чем обычным карманником.

Во многих отношениях Фейгин был мне как отец. Другие ребята – Плут, Чарли Бейтс и прочие – пришли уже после меня. Я была первой и поэтому имею некоторое положение, пользуюсь определенным уважением среди ребят Фейгина.

Глава 6

Я хочу поговорить об именах. Да, об именах.

Меня зовут Нэнси. Нэн-си. Два слога. Первая часть моего имени – Нэн – звучит низко, а вторая часть – си – взлетает вверх. Произносишь мое имя – и начинаешь внизу, а заканчиваешь наверху, ярко и довольно весело. В облаках. А теперь возьмем имя Оливера. О-ли-вер. Три слога. Начало низкое, почти у самой земли. Середина выше, но не поднимается в воздух, а окончание еще выше, но до облаков тоже еще далеко. Имя Оливера – три ступеньки маленькой крашеной деревянной лестницы, пусть краска местами немного облупилась и потемнела. Но это три ступеньки вверх. Низкое начало и подъем. Так я и думаю об этом мальчике: начинает невысоко, но имеет перспективы, добьется успеха. Станет кем-то. Мистер Руфус – напротив, два слога. Ру-фус. Они звучат ровно. Вернее сказать, первый слог немного поднимается – образует некий пик, хотя и не особо очевидный, – а второй опускается обратно. В этом ощущается какая-то стабильность, устойчивость. Мужская надежность. Интересно, да? Только не надо меня просить разобрать имена Билла или Фейгина...

Любопытно, но мальчик и мужчина, Оливер и мистер Руфус, неразделимо переплелись в моей голове.

Я впервые встретила их в один день. К обоим у меня сразу

же возникло особое отношение. Во второй раз, вскоре после первого, я снова увидела их обоих в один и тот же вечер. Есть в этих двоих что-то странное и необычное. Они похожи на людей, оказавшихся не в том месте и не в то время. И я не могу не думать об одном из них, не думая о другом. Они связаны каким-то образом, который я еще не поняла. Я не очень хорошо объясняю. Чувства – такая странная штука, когда пытаешься их объяснить. Правда ведь? И вы поймете, что я описала их недостаточно хорошо.

У Фейгина я вижу мальчика во второй раз. К этому времени я уже знаю, что у нас появился новичок, что его зовут Оливер Твист и что он пришел из деревни. Плут нашел его полуголодного и без крыши над головой в тот самый вечер, когда я увидела его впервые.

– Он бежал от всего, что имел, от всего, кем являлся, и отовсюду, где был, – рассказал мне Плут.

– Должно быть, ужасно тяжело было такому невинному на вид парню сделать такой большой шаг в мир, – предположила я.

– Сирота, – сказал Плут. – Это понятно. Он никому не нужен. Мать умерла при родах – видимо, в работном доме. Отец неизвестен.

Плут рассказал мне все. По работе я постоянно сталкиваюсь с ним. Мне нравится его компания. Питаю к нему слабость. Он часто возвращается домой к Фейгину, когда я ухожу, и мы всегда перекидываемся парой слов. Но не в откры-

тую. Когда рядом есть другие, мы изображаем безразличие. Так лучше – никто не знает, что мы обмениваемся информацией. Плут рассказал мне, что Фейгин держит Оливера подальше от посторонних глаз, дома, пока тот не научится всем премудростям. Пожалуй, это разумно. Фейгин учит его пальцами распускать швы на носовых платках и играть в охотника. Мальчишка служит источником несказанного веселья для Чарли, который забывает, что когда-то сам был как Оливер, только, скорее всего, гораздо хуже.

В тот вечер, когда я вижу Оливера во второй раз, я была с Бетси. Мы получили выходной, потому что в последнее время неплохо заработали, и Фейгин пригласил нас зайти в его жилище на Филд-лейн. Я называю улицу, потому что у Фейгина не один дом, и он меняет место жительства по необходимости. Он велел назвать пароль – «жирно и ладно» – безмянному голосу и осторожно подняться по темной и ветхой лестнице к нему в гости. Я привыкла к домам Фейгина, это верно, но позвольте описать это жилище особо. Первым делом в нос бьет запах копченой колбасы. Он объясняет, почему стены и потолок в комнате черны. Проведешь ногтем по стенке, и он тут же почернеет от слоя угольной пыли. Перед камином стоит деревянный стол со свечой, воткнутой в бутылку из-под имбирного эля, двумя оловянными кружками, караваем хлеба, маслом в масленке и единственной тарелкой.

На полу плотным рядком устроено несколько грубых ле-

жанок из старых мешков, а вокруг стола сегодня сидят – посмотрим-ка – пятеро мальчишек, все не старше Плуто, и курят длинные глиняные трубки. Один из мальчиков – Оливер. Его я замечаю, едва войдя в дверь. Он, конечно же, не курит. Он сидит тихо, словно наблюдая за происходящим. И я сразу понимаю, что он проницателен.

Появляется спиртное, и мы сидим за столом вместе с Плутом и Чарли, и всем очень весело. Фейгин в прекрасном расположении духа. Он кладет платок в карман своего бумазейного халата, задирает длинный нос и приказывает Оливеру следовать за ним. Пока Фейгин ходит по комнате, мальчик должен попытаться вынуть шелковую тряпицу так, чтобы он не заметил. Придерживая низ кармана одной рукой, Оливер легко достает платок другой.

– Достал? – спрашивает Фейгин, глядя перед собой. – Достал?

– Вот он, сэр! – Оливер показывает платок в своей руке.

Он рвется угодить Фейгину с готовностью щенка, и это выглядит неприятно.

– Умница, дорогой мой, – говорит старый козел, глядя Оливера по голове, и мы все рукоплещем. – В жизни не видел такого толкового парня, – добавляет он.

– Эй! Сэр, мне вы то же самое говорили! – восклицает Чарли и едва не падает со стула от смеха.

Оливер оборачивается и смотрит на нас. У него голубые глаза. Не мутновато-голубые, а насыщенно голубые. Серьез-

ный ребенок. Или, может быть, он не серьезен, а наблюдателен. «Созерцателен», как сказал бы Фейги. Он выглядит старше своих лет, и мне кажется, что на мне его взгляд задерживается дольше, чем на остальных. Словно во мне есть что-то знакомое. Или он знает обо мне что-то такое, чего не знаю я сама.

Бетси тоже это замечает, потому что смотрит на меня и видит, как я глазею на мальчонку.

– Чё? – спрашиваю я, пытаюсь ее смутить.

– Ничё, – отвечает она.

Но это не «ничё», и она это понимает.

Через некоторое время Плут, Чарли, Бетси и я уходим. Я больше не смотрела на Оливера. Боялась, что не смогу отвести от него глаз.

Фейгин дает нам денег «на веселье». Мы уходим, но работать нам не нужно. Только если мы неожиданно наткнемся на какую-нибудь работенку, да и в этом случае нам самим решать, пользоваться ли возможностью. Так старый козел позволяет нам думать, будто мы хотя бы отчасти сохраняем свободу и власть над собственной жизнью.

Свобода и власть над собственной жизнью? Ха! Как бы не так, верно?

* * *

Мы оказываемся в Сохо – не там, где мы обычно быва-

ем. Намного лучше нашего района. Сюда нас привел Плут. Несмотря на вечернюю прохладу, вокруг полно народа. Вокруг крики и шум. Судя по всему, это какой-то праздник. Плут подмигивает, и мы понимаем, что он с толком распорядился возможностями. Наверное, поэтому нас сюда и привел.

Повсюду люди самых разных профессий, комплекций и внешности. В таверне, куда мы заходим, отдыхает от службы целый полк солдат, и я начинаю жалеть, что сегодня не подготовилась к работе. Я нечасто работаю без ведома старого козла или сопровождения Билла. Скажем так: однажды я попробовала, и все сложилось не в мою пользу.

Мы с Бетси покупаем эль, а Чарли и Плут скрываются в шумной толпе. Это нормально – они могут о себе позаботиться. Потом мы устраиваемся у стены, где можно наблюдать за происходящим вокруг, и, похоже, наблюдаем здесь не только мы, потому что парочка солдат поглядывает в нашу сторону. Бетси говорит, что она не настраивалась сегодня на работу, но в принципе не прочь, поэтому, когда один из солдат подходит к нам и представляется ей, я им не мешаю. Они уходят, чтобы найти местечко поукромнее, а я остаюсь в гордом одиночестве и не слишком беспокоюсь о том, что другие солдаты пялятся на меня. Допив эль, я ухожу. Можно бы и домой пойти. В одиночку особо не повеселишься. А обратный путь долог.

Я не так уж хорошо знаю Сохо, и нет ничего неожидан-

ного в том, что быстро заблудилась. Свернув в переулок и пройдя его до середины, я понимаю, что вокруг тихо, как на кладбище. Лавки закрыты, а в домах вокруг – ни огонька. Даже газовый фонарь не горит. А потом вижу еще, что это тупик, перегороженный кирпичной стеной, и я разворачиваюсь и иду обратно, спотыкаясь в темноте.

Но обратный путь закрыт.

Кто-то нависает надо мной в темноте. Красный мундир с золотыми галунами на воротнике. Один из солдат, заглядывавшихся на меня в таверне, пошел за мной.

– Привет, красавица, – оговорит он.

Обычно они заговаривают иначе, но всякие люди попадаются.

– Я сегодня не работаю, красавчик, – говорю я ему, вспомнив, что пессарий лежит дома на полке за стопкой посуды. – Извини, – добавляю я, чтобы он знал, что я ничего обидного не имею в виду.

– Мне все равно, работаешь ты или нет, – говорит он, поглаживая саблю в ножнах на боку.

За его спиной на соседней улице шумит толпа, снуют гуляки, гремят кареты и кебы, но я по опыту знаю, что даже если позову на помощь и кто-то меня услышит, толку от этого не будет. Таким, как я, не помогают. Просто говорят, что сама напросилась.

Сняв шляпу и бросив ее на землю, солдат надвигается на меня. Я пячусь назад. Пытаться проскользнуть мимо него

бессмысленно. Он просто поймает меня, и возбуждение от охоты лишь разгорячит ему кровь, а я вовсе не хочу этого. Я отступаю. Он идет вперед. Это похоже на игру в шахматы.

Пока за моей спиной не оказывается кирпичная стена. Он этого и ждет, верно? Ну ты и глупышка, Нэнси. Ну ты и дура! Я уже говорила, что боюсь только тогда, когда загнана в угол, и – о боже! – теперь я и правда загнана в угол.

Я стою и смотрю, как он задирает мундир и возится с брюками, не отрывая от меня взгляда.

Хочется кричать, сопротивляться, но я понимаю, что, если подниму шум, будет только хуже. Проще уступить и дать ему сделать свое дело. Но я все равно продолжаю пытаться вразумить его.

– Пожалуйста, не надо. Я не хочу этого делать, сэр, – говорю я, на случай если ему почему-то пришло в голову, будто я участвую в этом добровольно.

Несмотря ни на что, я сопротивляюсь. Дело не в том, что я не хочу этого делать. А в том, что не хочу этого делать без моей защиты.

Я пытаюсь оттолкнуть руку, которая лезет ко мне под юбку, но он силен. И высок ростом. Он наваливается на меня всем весом, и я чувствую запах спиртного в его дыхании. Он прижимается губами к моим губам, заставляя меня приоткрыть рот, и – Господи, помоги! – я кусаю его.

– Ай! – он отстраняется. – Ах ты, мелкая... – тут солдат выкрикивает слово, которое лучше не повторять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.